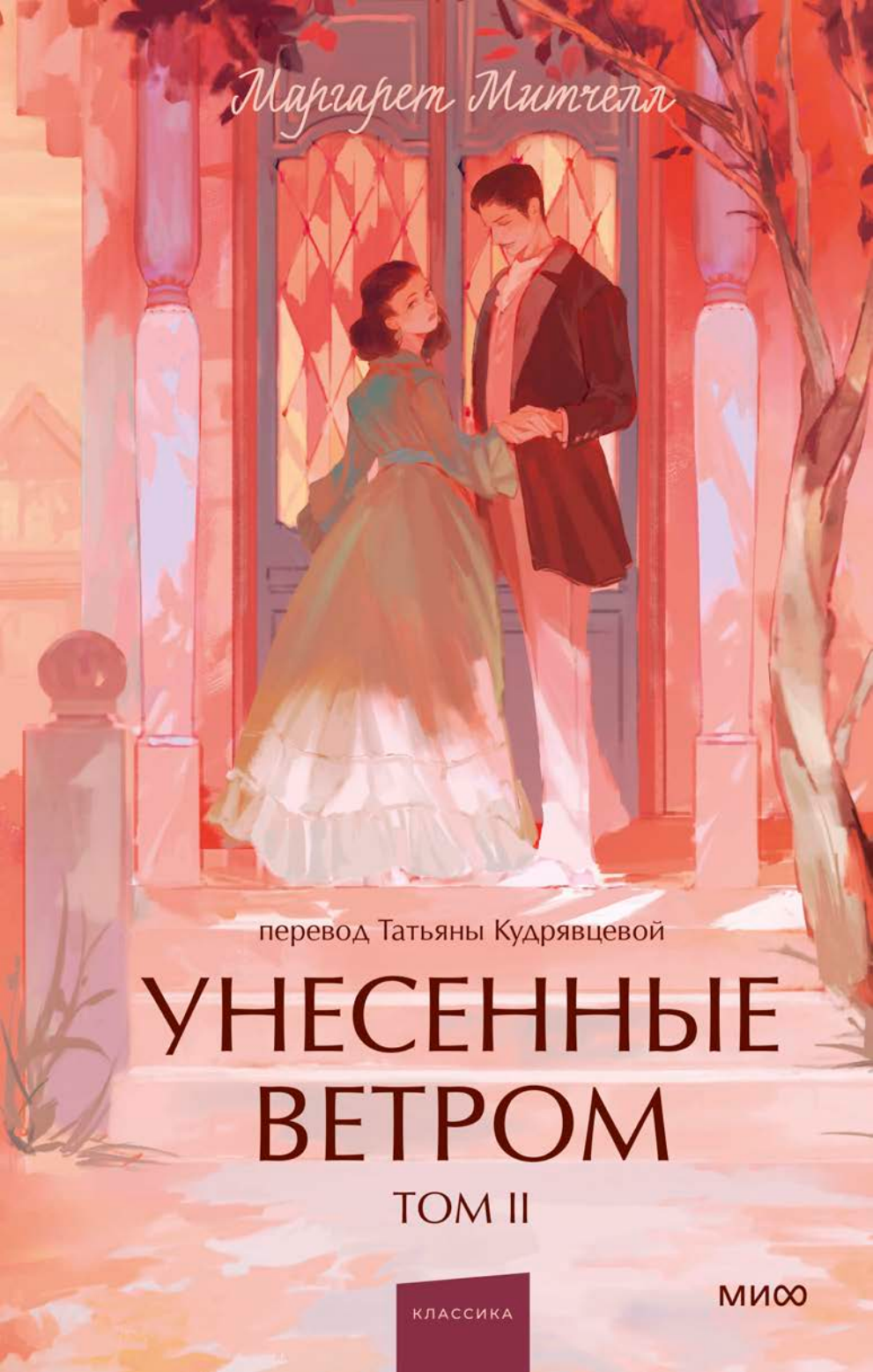

Маргарет Митчелл

перевод Татьяны Кудрявцевой

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

ТОМ II

КЛАССИКА

МИОО

Маргарет Митчелл

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Том 2

Маргарет Митчелл

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

Том 2

Перевод с английского
Татьяны Кудрявцевой

Москва
МИФ
2025

ЧАСТЬ
ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 31

Холодным январским днем 1866 года Скарлетт сидела в своем кабинете и писала письмо тете Питти, в котором подробнейшим образом в десятый раз объясняла, почему ни она, ни Мелани, ни Эшли не могут приехать в Атланту и поселиться с ней. Писала она быстро, стремительно, ибо знала: тетя Питти, не успев прочесть начало, тотчас примется за ответ, и письмо будет заканчиваться жалобным всхлипом: «Я боюсь жить одна!» Руки у Скарлетт застыли, и, отложив в сторону перо, она потерла их, чтобы согреть, а ноги глубже засунула под старое одеяло. Подметки на ее туфлях прохудились, и она вложила в них стельки, выстриженные из ковра. Ковровая ткань предохраняла, конечно, ноги от соприкосновения с полом, но не давала тепла. Утром Уилл повел в Джонсборо лошадь, чтобы подковать, и Скарлетт мрачно подумала, что, видно, совсем уж худо стало дело, раз о ногах лошадей заботятся, а люди, как дворовые псы, ходят босые.

Она только было снова взялась за гусиное перо, но тут же его опустила, услышав шаги Уилла у черного хода. Вот его деревянная нога застучала в холле и он остановился у двери в ее кабинет. Скарлетт подождала немного, но он не входил, и тогда она окликнула его. Уилл переступил через порог — уши у него покраснели от холода, рыжие

волосы были растрепаны; он стоял и смотрел на нее сверху вниз с легкой кривой усмешкой.

— Мисс Скарлетт, — обратился он к ней, — сколько у вас по правде живых денег?

— Ты что, решил жениться на мне, Уилл, и уже считаешь приданое? — не без раздражения спросила она.

— Нет, мэм. Просто захотелось узнать.

Она внимательно посмотрела на него. Нельзя сказать, чтобы Уилл выглядел озабоченным — впрочем, озабоченным он никогда не бывал. И тем не менее она почувствовала: что-то неладно.

— У меня есть десять долларов золотом, — сказала она. — Это все, что осталось от денег того янки.

— Так вот, мэм, этого мало.

— Мало — для чего?

— Мало, чтобы заплатить налог, — сказал он, проковылял к камину и, нагнувшись, протянул к огню свои покрасневшие от холода руки.

— Налог? — повторила она. — Да что ты, Уилл! Мы ведь уже заплатили налог.

— Да, мэм. Только говорят, недостаточно заплатили. Я слышал об этом сегодня в Джонсборо.

— Ничего не понимаю, Уилл. Что ты такое говоришь?

— Мисс Скарлетт, мне, конечно, неприятно вас тревожить, когда на вас и без того столько всего свалилось, а все-таки сказать нужно. Говорят, вы должны заплатить куда больше. Тару оценили ужас как дорого — раз-рази меня гром, дороже всех поместий в округе.

— Но ведь не могут же заставить нас еще раз платить налог, если мы его уже заплатили.

— Мисс Скарлетт, вы ездите в Джонсборо не часто, и я этому только рад. В нынешние времена это место не для леди. Но если б вы туда чаще ездили, тогда б знали, что сейчас там верховодят крутые ребята — республиканцы,

подлипалы и «саквояжники»*. Они бы вас довели до белого каления. Ниггеры там расхаживают по тротуарам, а белых господ на мостовую сталкивают, и еще...

— Да при чем тут это — речь же о налоге!

— Сейчас, сейчас, мисс Скарлетт. Эти мерзавцы по какой-то там причине решили поднять налог на Тару, точно она у нас дает доход в тысячу тюков. Когда я об этом услышал, пошел в обход по салунам, чтобы поднабраться сплетен, и вот узнал: кто-то хочет купить Тару по дешевке с шерифских торгов, ежели вы налог сполна не заплатите. А все прекрасно понимают, что заплатить вы не можете. Кто этот человек, который хочет купить Тару, я еще не знаю. Этого я разнюхать не сумел. Правда, думаю, этот трус Хилтон, что женился на мисс Кэтлин, знает, так как очень уж нахально он скланился, когда я его выспрашивал.

Уилл опустился на диван и принялся потирать свою кулю. Она начинала ныть у него в холодную погоду: деревяшка, на которую она опиралась, была плохо обита, да и неудобна. Скарлетт в ярости смотрела на него. Да как он может говорить таким небрежным тоном, когда каждое его слово — все равно что похоронный звон по Таре! Продадут с шерифских торгов?! А куда они все денутся? И Тара перейдет к другим владельцам! Нет, даже мысли такой допустить нельзя!

Стремление сделать Тару доходной настолько поглотило Скарлетт, что она совсем не думала о том, что происходит за пределами поместья. Если возникали дела, требовавшие поездки в Джонсборо или в Фейетвилл, она посылала туда Уилла или Эшли, а сама почти не покидала плантации. И подобно тому как раньше она никогда не прислушивалась к разговорам отца о войне, пока

* Так называли северян, добившихся влияния и богатства на юге страны после Войны за независимость.

война не началась, так и теперь едва ли вникала в долгие беседы, которые вели за столом после ужина Уилл и Эшли по поводу Реконструкции Юга.

Да, конечно, она слышала про подлипал — южан, с выгодой для себя переметнувшихся на сторону республиканцев, и про «саквояжников» — этих янки, которые после поражения южан, словно саранча, ринулись в Южные штаты с одним лишь саквояжем в руке, вмещавшим все их достояние. Было у нее и несколько неприятных стычек с Бюро вольных людей. Слышала она и о том, что какие-то освобожденные негры нахально себя ведут, но этому трудно было поверить, ибо она в жизни еще не встречала нахального негра.

Однако Уилл с Эшли многое намеренно скрывали от нее. Вслед за тяжелыми испытаниями войны для Юга наступила еще более тяжкая пора — Реконструкция, но мужчины условились не говорить дома о некоторых моментах, вызывавших у них наибольшую тревогу. А Скарлетт если и прислушивалась к их беседе, то в одно ухо впускала услышанное, в другое выпускала.

Она, например, слышала, как Эшли говорил, что победители относятся к Югу словно к завоеванной провинции и главным образом занимаются мщением. Но Скарлетт решила, что к ней это никакого отношения не имеет. Политика — мужское дело. Она слышала и то, как Уилл сказал однажды, что, похоже, Север ни за что не даст Югу снова подняться. «О господи, — подумала Скарлетт, — мужчины вечно выдумывают причины для беспокойства». Ее, к примеру, ни один янки и пальцем тронуть не посмел, да и не посмеет. Главное — работать не покладая рук и перестать изводить себя из-за того, что правят у них теперь янки. Война-то все-таки кончилась.

Скарлетт не понимала, что за это время изменились правила игры и далеко не все зависит от того, насколько честно ты будешь трудиться. Джорджия, по сути дела,

находилась на военном положении. Всем командовали солдаты-северяне, расквартированные по всей округе, а также Бюро вольных людей, и они устанавливали правила, какие хотели.

Бюро вольных людей, созданное федеральным правительством, чтобы заботиться о бывших рабах, получивших свободу и еще не очень понимавших, что с ней делать, тысячами переселяло негров с плантаций в поселки и города. Бюро обязано было кормить их, пока они не найдут себе работу, а они не слишком спешили, желая сначала свести счеты с бывшими хозяевами. Местное Бюро возглавлял Джонас Уилкерсон, бывший управляющий Джералда, а помощником у него был Хилтон, муж Кэтлин Калверт. Эта парочка усиленно распространяла слухи о том, что южане и демократы только и ждут случая, чтобы снова закабалить негров, и лишь Бюро вольных людей и республиканская партия способны помочь им избежать этой участи.

Уилкерсон с Хилтоном внушали также неграм, что они нисколько не хуже белых и что скоро будут разрешены смешанные браки, а поместья у бывших хозяев отберут и каждому негру дадут по сорок акров земли и мула в придачу. Они распаляли негров рассказами о жестокостях, чинимых белыми, и в краю, издавна славившемся патриархальными отношениями между рабами и рабовладельцами, вспыхнула ненависть, зародились подозрения.

Бюро в своей деятельности опиралось на солдатские штыки, а военные власти издали немало вызывавших возмущение циркуляров по поводу того, как должны вести себя побежденные. Можно было угодить в тюрьму даже за непочтение к чиновнику Бюро. Циркуляры издавались по любому поводу — об обучении в школах, о поддержании чистоты, о том, какие пуговицы следует носить на сюртуке, какими товарами торговать, — словом, на все

случаи жизни. Уилкерсон с Хилтоном имели право вмешаться в любое начинание Скарлетт и заставить ее продавать или менять товары по той цене, какую они установят.

К счастью, Скарлетт почти не соприкасалась с этой парочкой, ибо Уилл убедил ее предоставить это ему, а самой заниматься только плантацией. Мягкий и сговорчивый, Уилл с честью вышел из многих подобного рода трудностей, а ей и словом не обмолвился о них. Да Уилл справился бы и с «саквояжниками», и с янки, если бы пришлось. Но теперь возникла проблема, с которой справиться он не мог. О новом дополнительном налоге на Тару, грозившем потерей поместья, Скарлетт уже не могла не знать, и поставить ее в известность следовало немедленно.

Глаза Скарлетт вспыхнули.

— Черт бы побрал этих янки! — воскликнула она. — Сожрали нас с потрохами, обобрали до нитки — и все им мало, надо еще спустить на нас свору этих мерзавцев!

Война кончилась, заключили мир, а янки по-прежнему могут грабить ее, заставить голодать, выгнать из собственного дома. А она-то, дурочка, считала, что, как бы тяжело ни было, если она продержится до весны — пусть измотается, пусть устанет, — зато все наладится. Сокрушительная весть, которую сообщил ей Уилл, была последней каплей, переполнившей чашу ее страданий: ведь она целый год работала, не разгибая спины, и все надеялась, ждала.

— Ах, Уилл, а я-то думала, что война кончилась и наши беды остались позади!

— Нет, мэм. — Уилл поднял свое простоватое, деревенское, с квадратной челюстью лицо и в упор посмотрел на нее. — Беды наши только начинаются.

— И сколько же с нас хотят еще налога?

— Триста долларов.

На мгновение она лишилась дара речи. Триста долларов! Триста долларов для нее сейчас все равно что три миллиона — такой суммы у нее нет.

— Что ж, — раздумчиво произнесла она, — что ж... что ж, значит, придется где-то добывать триста долларов.

— Конечно, мэм. И еще радугу и луну в придачу.

— Но, Уилл, не могут же они продать с молотка Тару! Ведь это...

В обычно мягком взгляде его светлых глаз появилась такая ненависть, такая горечь — никогда бы она не подумала, что он способен на подобные чувства.

— Не могут продать Тару? Очень даже могут — и продадут, и с превеликим удовольствием! Мисс Скарлетт, вы уж меня простите, но нашему краю теперь пришла крышка. Эти «саквояжники» и подлипалы — они ведь голосовать могут, а из нас, демократов, мало кто такое право имеет. Ежели за каким демократом в шестьдесят пятом году в налоговых книгах штата больше двух тысяч долларов было записано, такой демократ не может голосовать. Значит, и ваш папаша, и мистер Тарлтон, и Маккра, и Фонтейны — все вылетают из списков. Потом, ежели ты был полковником и воевал, ты тоже не можешь голосовать, а ей же богу, мисс Скарлетт, у нас куда больше полковников, чем в любом другом штате Конфедерации. И ежели ты служил правительству конфедератов, ты тоже не можешь голосовать; значит, все вылетают из списков — от нотариусов до судей, и таких людей сейчас в лесах полным-полно. Словом, лихо янки подловили нас с этой своей присягой на верность: выходит, ежели ты был кем-то до войны, значит, голосовать не можешь. Люди умные, люди достойные, люди богатые — все лишены права голоса.

Ну, я-то, конечно, мог бы голосовать, ежели б принял эту их чертову присягу. У меня ведь никаких денег в шестьдесят пятом не было и полковником я не был,

да и вообще никем. Только дудки — никакой их присяги я принимать не стану. Даже не взгляну на нее! Если б янки по-честному себя вели, я бы принял их присягу, а сейчас не стану. К Союзу можете присоединить меня, пожалуйста, а какая тут может быть Реконструкция — в толк не возьму. Ни за что не приму их присяги — пусть даже никогда больше не буду голосовать... А вот такой подонок, как этот Хилтон, — он голосовать может, и мерзавцы вроде Джонаса Уилкерсона, и всякие белые голодранцы вроде Слэттери, и никчемные людишки вроде Макинтошей — они все могут голосовать. И они теперь правят всем. И ежели вздумают двадцать раз взыскать с вас налог, то и взыщут. Теперь ведь ниггер убьет белого — и никто его за это не повесит. Или, скажем... — Он умолк, погрузившись в свои мысли, и оба одновременно вспомнили про белую женщину на уединенной ферме близ Лавджоя... — Эти ниггеры могут как угодно нам гадить: Бюро вольных людей все равно их выгордит, и солдаты поддержат винтовками, а мы даже голосовать не можем и вообще не можем ничего.

— Голосовать, голосовать! — воскликнула Скарлетт. — Да какое отношение имеет голосование к тому, о чем мы говорим, Уилл?! Мы же говорим о налогах... Послушай, Уилл, ведь все знают, что Тара — хорошая плантация. В крайнем случае можно заложить ее за приличную сумму, чтоб заплатить налог.

— Мисс Скарлетт, вы же не дурочка, а иной раз так говорите, что можно подумать — глупее вас на свете нет. Да у кого сейчас есть деньги, чтобы дать вам под вашу собственность? У кого, кроме «саквояжников», а они-то как раз и хотят отобрать у вас Тару! У всех есть земля. Всем земля чего-то приносит. Нельзя отдавать землю.

— У меня есть бриллиантовые сережки, которые я отобрала у того янки. Мы могли бы их продать.

— Мисс Скарлетт, ну у кого есть деньги, чтоб сережки покупать? Да у людей на мясную грудинку денег нет, где там на мишуру! Вот у вас есть десятка золотом, а у многих, могу поклясться, и того нет.

Они снова замолчали; Скарлетт казалось, что она бьет головой о каменную стену. Сколько же было за прошлый год таких стен, о которые ей пришлось биться головой!

— Что же делать-то будем, мисс Скарлетт?

— Не знаю, — сказала она уныло и вдруг почувствовала, что не только не знает, но и не хочет знать. Нет у нее сил, чтобы пробивать еще и эту стену, — она так устала, у нее даже кости ноют. К чему работать не покладая рук, бороться, истязать себя, когда в конце каждого испытания тебя с ехидной усмешкой ждет поражение? — Не знаю, — повторила она. — Только ничего не говори папе. Он может встревожиться.

— Не скажу.

— А кому-нибудь уже сказал?

— Нет, я пришел прямо к вам.

Да, подумала она, с плохими вестями все приходят всегда прямо к ней, и она устала от этого.

— А где мистер Уилкс? Может быть, он что-то придумает?

Уилл посмотрел на нее своими добрыми глазами, и она поняла — как в тот день, когда Эшли вернулся домой, — что Уилл все знает.

— Он во фруктовом саду — обтесывает колья для ограды. Я, когда ставил в конюшню лошадь, слышал, как он орудует топором. Но у него ведь тоже нет денег, как и у нас.

— Я, что же, уж и поговорить с ним не могу, да? — резко парировала она, поднимаясь и движением ноги отбрасывая старое одеяло.

Уилл не обиделся — он продолжал стоять, грея руки у огня.

— Взяли бы вы шаль, мисс Скарлетт. На улице-то сыро.

Но она вышла без шали, ибо за шалью надо было подняться наверх, а ей не терпелось поскорее увидеть Эшли и излить ему свои тревоги.

Хоть бы застать его одного — вот было бы счастье! Ни разу с тех пор, как он вернулся домой, она не имела возможности перемолвиться с ним хоть словом наедине. Вечно вокруг вертелся кто-то из домашних, вечно рядом была Мелани — она то и дело протягивала руку и дотрагивалась до его рукава, словно хотела лишний раз убедиться, что он действительно тут. Этот жест счастливой собственницы неизменно вызывал у Скарлетт взрыв ревности и злости, которые притупились было за те месяцы, когда она считала, что Эшли уже мертв. Сейчас же она твердо решила, что должна видеть его наедине. Она не допустит, чтоб ей помешали говорить с ним с глазу на глаз.

Она шла по фруктовому саду под голыми деревьями — трава была сырая, и ноги у нее промокли. Она слышала вдаль звонкие удары топора — это Эшли обтесывал вытасщенные из болота стволы. Не скоро это и не просто — восстановить изгородь, которую янки с таким упоением тогда сожгли. Все дается не скоро и не просто, устало подумала она, и как же все ей надоело, надоело и опротивело до тошноты. Вот если бы Эшли был ее мужем, а не мужем Мелани, какое это было бы счастье — прийти к нему, уткнуться головой ему в плечо, расплакаться, переложить на него все свои тяготы и беды, пусть бы он все распутывал.

Она обошла гранатовую рощицу — голые ветви деревьев трепал холодный ветер — и увидела Эшли: он стоял, опершись на топор, вытирая лоб тыльной стороной ладони. На нем были старые домотканые брюки

и рубашка Джералда — из тех, что в лучшие времена надевали только в суд или на пикники, — рубашка с кружевными рюшами, слишком короткая для ее нынешнего владельца. Сюртук Эшли повесил на сучок, ибо работать в нем было жарко, и сейчас отдыхал.

Глядя на Эшли — оборванного, с топором в руке, Скарлетт почувствовала, как сердце у нее защемило от любви к нему и ярости на то, что все так складывается. Просто невыносимо было видеть некогда беспечного, безукоризненно элегантного Эшли за тяжелой работой, в рубашке с чужого плеча. Руки его не созданы для физического труда, а тело — для грубой одежды; он должен ходить в шелковистом льне и тонком сукне. Бог предназначил ему жить в большом доме, беседовать с приятными людьми, играть на рояле, писать стихи, такие красивые, хоть и непонятные.

Ее не корбило, когда она видела собственное дитя в переднике из мешковины, а своих сестер — в грязных старых ситцах; она спокойно переносила то, что Уилл работает больше, чем иной раб на плантации, — но не могла стерпеть, чтоб так работал Эшли. Эта работа не для него, да и слишком он ей дорог. Нет, лучше самой обтесывать колья, чем допустить, чтоб это делал он.

— Говорят, Эйби Линкольн начинал свою карьеру тоже так — обтесывал колья, — заметил Эшли, когда она подошла к нему совсем близко. — Подумать только, каких высот я могу достичь!

Она нахмурилась. Вечно он шутит по поводу их невзгод. Она же воспринимала все очень серьезно, и его шуточки порой раздражали ее.

Она выложила ему новость, привезенную Уиллом, — сухо, без лишних слов, чувствуя облегчение уже оттого, что говорит с ним. Конечно же, он что-то придумает, чем-то поможет. А он молчал; однако, заметив, что она дрожит, снял с сучка сюртук и накинул ей на плечи.